

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'27.811.111

*Л.С. Абросимова***ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА АНАЛИЗА
ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Рассмотрено понятие «языковая картина мира» сквозь призму теории языковой относительности. В качестве примера рассматривается англо-испанская языковая ситуация на юге США, которая отражена в дихотомии «общий: свой – чужой». В условиях межэтнической коммуникации «своя» картина мира обогащается при приобретении новых знаний и, соответственно, изменяется, создавая для говорящих новые перспективы как в социальной адаптации, так и в удовлетворении когнитивных потребностей билингвизма.

Ключевые слова: теория языковой относительности; языковая картина мира; языковая ситуация; межкультурная коммуникация, переключение кодов.

Попытки понять и описать общие и частные закономерности функционирования языковой картины мира обусловлены возросшим интересом к месту и отношению человека, как познающего субъекта, к окружающему миру.

Изучение картины мира как многопланового и полифункционального феномена в рамках расширения антропологических подходов к исследованию разных явлений, безусловно, является центром междисциплинарного пересечения гуманитарных наук с целью создания общей науки о языке и человеке. Несомненным катализатором этого процесса является исследование понятия «картины мира» представителями разных наук: физики, философии, культурологии, филологии и др. Анализ научной литературы показал, что в настоящее время данный феномен продолжает изучаться и учеными предпринимаются попытки сформировать его исчерпывающее определение, выявить его сущность, свойства, элементы и отличительные особенности относительно предмета изучения разных наук.

Термин «картина мира», предложенный немецким физиком Г. Герцем в конце XIX в., в работах Л. Вайсгербера трансформировался в понятие «языковая картина мира». Языковая картина мира представляет фрагмент «картины мира», поскольку в формировании последней участвует информация, опосредованная не только языковыми, но и невербальными видами мыслительной деятельности. Язык же является инструментом доступа к другим фрагментам «картины мира».

Исследование языковой картины мира связано с процессами категоризации и концептуализации действительности в процессе ее отражения, которые носят двойственный характер. Они являются как универсальными для всех языковых систем, так и специфическими для того или иного этноса. Подчеркивая диалектическую природу языковой системы, В. Гумбольдт высказывал положение о том, что язык характерен для самой природы людей: «Особенность духа и строение языка какого-либо народа так между собой внутренне связаны, что если бы одно из них было дано, второе должно быть из него выведено. Язык является также внешним проявлением духа народов. Язык – это их дух, а их дух – это их язык» [1. С. 147]. Это понимание, представляющее несомненный интерес для нашего исследования, тесно соприкасается с гипотезой лингвистической относительности, развитие которой связывается с именами последователей В. Гумбольдта: Й.Л. Вайсгербера, Э. Сепира и Б. Уорфа. Теория языковой относительности подчеркивает факт относительной зависимости мышления и поведения людей от национально-языковых особенностей того сообщества, где они живут, развиваются и творят, т.е. разное восприятие действительности через разные этнические языки. Так, Й.Л. Вайсгербер, подчеркивая историческое взаимодействие языка и народа, отмечает, что язык «сообразно со своей внутренней формой передает всем своим носителям общее мировидение, которое во многом отличается от мировидения других языков» [2. С. 120].

Данный интерес также явился причиной возникновения когнитивной лингвистики в 70-х гг. XX в., одним из предметов изучения которой является языковая картина мира.

Языковая культура того или иного народа, по нашему мнению, обязательно включает этническую языковую составляющую. «И этническая, и национальная идентичность – явление, которое проявляется не только в коммуникативном поведении представителей данной культуры, но и моделируется в формах и категориях национального языка, наиболее беспристрастного и уникального источника информации о национальном самосознании» [3. С. 5].

Однако Ш. Балли в своей работе «Язык и жизнь» утверждал, что язык не может навязывать говорящим на нем особые формы мышления. По его мнению, «наличие прямой и естественной связи между языком и духом нации допустить все же трудно: язык всегда развивается медленнее прочих социальных образований, и на его развитие могут повлиять его отношения с соседними языками – известны даже случаи, когда люди меняли язык на протяжении нескольких поколений» [4. С. 163].

Образ мышления человека, как нам представляется, не может быть изолирован от национальных свойств того социума, в котором он живет и творит, и не может не отражаться в языковых особенностях.

В последнее время появляются многочисленные исследования, посвященные изучению фактов отражения в языке национально-культурных особенностей народов (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин). Репрезентация реального мира в понятиях, а затем в словесных выражениях различна у разных народов, что «обусловле-

но особенностями истории, географии, климатом, верованиями, традициями этих народов и, соответственно, развитием их общественного сознания» [5. С. 16].

В связи с вышеизложенным представляется возможным говорить о триаде «мышление – язык – культура», компоненты которой взаимозависимы и взаимообусловлены. При этом язык занимает промежуточное, связующее положение. С одной стороны, язык является инструментом познания, служащим для выражения и передачи информации, с другой стороны, орудием культуры, т.к. «он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию. Язык – строгий и неподкупный учитель, он навязывает заложенные в нем идеи, представления, модели культурного восприятия и поведения» [6. С. 134]. Вопросы соотношения языка и мышления, их взаимовлияния представляют собой сложный предмет изучения как философии, так и языкознания.

Очевидно, что языковая картина мира неразрывно связана с эволюционными процессами в обществе. В картине мира отражаются не только существующие на данном этапе развития явления, но и прошлое человечества. Так, А.А. Потенция связывает происхождение языка с явлениями прошлой жизни, предшествующей языку, подчеркивая его влияние на последующую душевную деятельность [7. С. 38–44].

Связь культуры и языка неоспорима, и язык представляет собой не одномоментное, а протяженное во времени средство трансляции культуры. Е.Я. Режабек отмечает исторически определенный характер культуры, который «задает насыщенность языка тем или иным когнитивным содержанием. Именно межпоколенческое общение закрепляет культурные смыслы и соответствующие им концепты за грамматикой и лексикой того или иного этноса» [8. С. 271–272]. Когнитивное содержание всей деятельности выражается при помощи различных языковых структур, которые «всегда адекватны культуре мышления познающего субъекта, его исторической эпохе» [9. С. 3].

Языковая картина мира, как нам представляется, отражает национальные особенности мировидения. Функцией языка является не только передача и фиксирование информации, но и закрепление знаний о мире, в которых, несомненно, присутствует национально-культурный опыт. И, естественно, языковая картина мира не статична, а динамична, она отражает все изменения, происходящие не только в окружающей нас действительности, но и в самом языке.

Примером может послужить языковая ситуация в США. Испанский язык является важным связующим звеном в мексикано-американском сообществе. Ученые утверждают, что потомки большинства европейских иммигрантов, прибывших в США в конце XIX и XX вв., стали исключительно англоговорящими в течение смены трех поколений. В отличие от них и многих других групп иммигрантов большинство испаноговорящих мексиканцев во втором и третьем поколениях не отказались от использования своего языка, как большинство европейских переселенцев. В 70% семей мексиканских американцев используются оба языка: английский и испанский. Естественно, что сферы исполь-

зования языков разные: английский – язык общественной жизни, в то время как испанский – язык домашнего общения. Испанский язык является также средством связи мексиканских американцев и других испаноговорящих иммигрантских поколений, прибывших из Карибского региона и центральной Америки.

Испанский язык, распространенный в США, безусловно, отличается от стандартного мексиканского испанского. С течением времени испанский в США настолько изменился, что получил название Spanglish, который распространен в приграничных с Мексикой территориях, таких как Калифорния, Аризона, Новая Мексика, Техас, а также во Флориде и г. Нью-Йорке.

Данную разновидность на уровне текста называют языком переключения кодов, когда в английские предложения включаются испанские слова или в испанский контекст – английские лексические единицы. С другой стороны, образцы Spanglish представляют собой единицы вторичной номинации, образованные от английских лексем при участии словообразовательных средств испанского языка: *dropcar* – to drop, *faxcar* – to fax, *chequear* – to check, *carpeta* – carpet, *emailcar* – to e-mail и др.

В ряде работ, посвященных проблеме переключения кодов (У. Вайнрайх, К. Бекер, Л.П. Крысин, Е.А. Проценко и др.), отмечается, что способность участников коммуникации к кодовым переключениям удовлетворяет требованиям успешной культуры общения, в то время как «неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному субкоду воспринимается как аномалия, которая может приводить к коммуникативным конфликтам» [10].

Данное утверждение чрезвычайно актуально для испано-американского сообщества. Возникающие «социокоммуникативные конфликты» могут иметь далеко идущие последствия для коммуникантов начиная с простого непонимания друг друга и заканчивая социальной и профессиональной невостребованностью. Дальнейшее развитие языка Spanglish (еще не имеется общепринятого мнения по поводу статуса Spanglish – креольский язык, пиджин или диалект) зависит от нескольких факторов: политики государства в отношении иммигрантов, количества испаноговорящих переселенцев, языковой политики государства.

Изучая особенности испано-английского билингвизма, К. Бекер выделяет несколько основных речевых моментов переключения кодов, способствующих реализации намерений говорящего. Так, переключение кодов рассматривается как: 1) эмфатическое средство; 2) средство изменения формы дискурса при переходе от повествования к комментарию и от утверждения к вопросу; 3) средство управления адресатом; 4) средство выражения объективности или субъективности [11. С. 3–31]. Переключение кодов также может представлять собой один из способов экономии речевых усилий, ввиду «культурной непереваемости» некоторых лексических единиц (имеется в виду несоответствие в разных языках культурно обусловленных ассоциаций и коннотаций, которые неизбежно теряются при переводе с одного языка на другой)» [12. С. 125].

Примеры Spanglish можно все чаще встретить в художественной и публицистической литературе, в рек-

ламе и телевизионных программах. Режиссер Джеймс Л. Брукс снял великолепную комедию «Spanglish», которая изобилует комичными диалогами на англо-испанском наречии. Учебные заведения предлагают курсы обучения Spanglish.

В Интернете же используется так называемый Cyber-Spanglish, примерами которого являются chatear (to chat), forwardear (to forward), deletear (to delete), dragear (to drag), linquiar (to link), printear (to print), cliquiar (to click) and el maus (computer mouse) [13].

Слова новых слов регистрируют все возрастающее количество неологизмов, пришедших из испанского языка. Например: desaparecido – существительное, обозначающее человека, исчезнувшего во время тоталитарного режима в Южной и Центральной Америке, machismo – мужественность, мужское начало, contra – представитель партизанских сил, которые были в оппозиции правительству Никарагуа между 1779 и 1990 гг., basuko – дешевый кокаиновый наркотик, смешанный с другими веществами, pacho(s) – чипсы тортилья, приготовленные по особому рецепту в Мексиканской сети фаст-фуд, jo-joba – жожоба (кустарник, семена которого содержат ценный жидкий воск, используемый в косметике) и др.

Все эти примеры связаны с наименованием явлений и объектов, которые должны были вызвать интерес другого этноса, чтобы проникнуть в их язык.

Здесь представляется возможным говорить о проблеме каузальных отношений между социальной структурой и языком. Теория изоморфизма языковой и социокультурной системы может быть представлена в двух проекциях. С одной стороны, теоретическая концепция Б. Уорфа рассматривает язык в качестве источника, причины или независимой перемены, с другой стороны, социальная структура трактуется как детерминанта по отношению к языку (взгляд, разделяемый многими учеными и подтверждаемый множеством примеров). Таким образом, теория «взаимной детерминации», выдвинутая социолингвистом А.Д. Гримшо, вполне может быть применена при анализе отобранных образцов испанских заимствований.

На первый взгляд вышеприведенные примеры отчетливо иллюстрируют вторую позицию: изменение в социальной жизни приводит к изменению в языке. Однако если глубже проанализировать эволюцию употребления той или иной лексической единицы в «чужом» сообществе, то мы все-таки увидим взаимное влияние языка и социальной структуры. Так, например, слово macho (а позже возникло новое наименование «machismo») уже известно не только в англо-испаноговорящем сообществе, но и в других странах. Данное понятие позволило создать образ испанского черноволосого невысокого мускулистого парня, готового на всякие подвиги. Трудно представить себе macho-скандинава, высокого, стройного и светловолосого. Таким образом, информация о «чужой культуре» вне зависимости от способа ее репрезентации обогащает картину мира субъекта межэтнической коммуникации.

Переключение кодов явно отражено в следующем диалоге из романа Дж. Браши «Yo-Yo Boing!»:

Anita: Hola, **good morning**, cómo estás?

Mark: **Good**, y tú?

Anita: Todo bien. Pero tuve problemas parqueando mi carro **this morning**.

Mark: Sí, **I know**. Siempre hay problemas parqueando in el **area at this time**.

Перевод на английский:

Anita: Hello, good morning, how are you?

Mark: Good, and you?

Anita: Everything's fine, but I had problems parking my car this morning.

Mark: Yeah, I know. There are always problems parking in this area at this time [14].

Приведем еще один пример высказывания билингва, попеременно использующего элементы двух языков в рамках одного коммуникативного акта: «I'm sorry I cannot attend next week's meeting **porque tengo una obligación de negocios en Boston, pero espero que** (because I have a business obligation in Boston, but I hope that) I'll be back for the meeting the week after» [15].

В первом диалоге, как мы можем предположить, участвуют два испано-американских билингва, для которых родной язык – испанский. В языковой ситуации любой страны представляется логичным то, что представители меньшинств изучают и употребляют язык большинства, что имеет весьма положительные последствия для их социальной интеграции в «новом» сообществе. Во втором примере англо-говорящий американец, который живет в районе рядом с испаноязычным населением, также включает в свою речь испанские слова и выражения, пытаясь интегрироваться в испано-язычном сообществе. Неспособность общаться на испанском языке, который во многих случаях уже даже нельзя назвать «иностранным языком», на юге, юго-западе и в других районах США может стать препятствием в получении работы, в продвижении по служебной лестнице и просто в общении: «Americans are finding that not knowing Spanish can be a handicap, whether dealing with immigrants or schmoozing at a business lunch in the boss' native tongue... There's nothing foreign about Spanish anymore. It's the second language of the United States» [16].

Таким образом, язык здесь играет роль объединяющего и дифференцирующего посредника в межэтническом взаимодействии. При этом бинарная оппозиция «объединяющее – дифференцирующее» отражается в оппозиции «свой – чужой» с точки зрения мифологических представлений культуры. Оппозиция «свой – чужой» опять же рассматривается по-разному в разных этнических картинах мира и языковых ситуациях.

Т.В. Цивьян, описывая балтийско-русскую языковую ситуацию, подчеркивает конфликтный характер данной оппозиции [17. С. 207]. Англо-испанская ситуация в Америке в свете вышеизложенного имеет все-таки более интегрирующий характер и может быть отражена в дихотомии «общий: свой – чужой», когда в условиях межэтнической коммуникации «своя» картина мира расширяется и обогащается при приобретении новых знаний и, соответственно, изменяется. Постепенно «чужое» проникает в «свое» и «растворяется» в нем, обогатив картину мира субъекта межкультурной коммуникации.

Приведенные выше примеры Spanglish подтверждают положение о том, что язык непосредственно задействован в двух процессах, связанных с картиной мира: «Во-первых, в его недрах формируется языковая картина ми-

ра, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые посредством специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры» [18. С. 215].

Переключение говорящих с одного языка на другой обусловлено сознательным выбором под влиянием разных факторов: цели ситуации общения, личностных и языковых компетенций собеседника, места и атмосферы разговора, эмоционального состояния коммуникантов. Симбиоз двух языков изменяет и расширяет привычную картину мира. Более того, такой союз двух языков создает для говорящих новые перспективы как в социальной адаптации в том или ином сообществе,

так и в удовлетворении когнитивных потребностей билингвизма.

В контексте современных исследований языковой картины мира этнический фактор оказывается особо значимым в силу ряда обстоятельств. Во-первых, его изучение способствует пониманию природы национального самосознания, во-вторых, процессы глобализации могут привести как к расширению политических, экономических и культурных этноконтактов, так и к угасанию и уничтожению ряда этнических культур. Следовательно, исследования языковых этнических особенностей выступают в качестве динамичных и надежных источников знания и инструментов сохранения, фиксации и закрепления языковых этнокультурных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 397 с.
2. Вайсбергер Й.Л. Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. / Вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 232 с.
3. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 211 с.
4. Балли Ш. Язык и жизнь: Пер. с фр. / Вступ. ст. В.Г. Гака. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 232 с.
5. Гураль С.К. Мирозрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 14–21. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/021044960/01/image/14-21.pdf>
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 264 с.
7. Потемня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
8. Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статьи разных лет). М.: Академический проект, 2007. 383 с.
9. Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от Античности до Нового времени: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 63 с.
10. Крысин Л.П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека. URL: http://library.krasu.ru/ft/_articles/0070269.pdf
11. Becker K. Spanish/English bilingual codeswitching: a syncretic model // Bilingual review. Jan. – Apr. 1999. Vol. 22, is. 1. P. 3–31.
12. Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123–127.
13. Stavans I. The Gravitas of Spanglish // The Chronicle Review. October 13, 2000. URL: <http://chronicle.com/free/v47/i07/07b00701.htm>
14. URL: <http://www.experiencefestival.com/a/spanglish%20-%20examples%20of%20spanglish/id/5478128>
15. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Spanglish>
16. Sharp D. Those who don't speak // Spanish may be left behind. USA TODAY/ 06/19/2001. URL: <http://www.usatoday.com/news/nation/2001-05-09-spanish-usat.htm#more>
17. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. 2-е изд., доп. М.: КомКнига, 2005. 280 с.
18. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебрянников и др. М.: Наука, 1988. 215 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 декабря 2009 г.